
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В.А. РОМЕНЦА
В ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ**

© 2013 г. П. А. Мясоед

*Кандидат психологических наук, доцент, психолог специализированной школы-интерната,
Полтава, Украина;
e-mail: pmjasojid@hotmail.com*

Исследуются темы творческого диалога украинского историка и теоретика психологии В.А. Роменца с С.Л. Рубинштейном и М.Г. Ярошевским. Освещаются источники, содержание и логика мышления ученого, положения его теории истории всемирной психологии и теории поступка, характеризуется место его творчества в историко-психологическом знании.

Ключевые слова: история психологии, культурно-исторический подход, теория истории всемирной психологии, теория поступка, каноническая психология, В.А. Роменец, С.Л. Рубинштейн, М.Г. Ярошевский.

Владимир Андреевич Роменец (1926–1998) был профессором Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, академиком АПН Украины. Он 30 лет читал курс истории психологии, издал семь учебных пособий – фундаментальных многостраничных трудов [22–28]. Его слова о том, что “энциклопедизм В. Вундта, как ни удивительно, препятствует интерпретации его творчества” [27, с. 140], можно отнести к нему самому. Оригинальность теории истории всемирной психологии, богатство идей, образующих теорию поступка, логика или, говоря его словами, спирали мысли – всё это, а не объем материала и украинский язык, представляет главную трудность в освоении творчества ученого.

Идеи В.А. Роменца освещаются на страницах “Психологического журнала” [4, 5, 7, 11], обсуждаются российскими историками психологии [2, 3, 6], о растущем интересе к ним говорит участие российских коллег в юбилейном номере украинского психологического журнала [16–19, 31] и сборнике [21]. Идеи включаются в движение российской психологической мысли, и это симптоматично, ибо рождались они в ходе творческого диалога автора с российскими учеными [10].

История психологии для В.А. Роменца – это история человеческого самопознания. Он исследовал петроглифы, ритуалы, обряды, верования, мифы, психологическую мысль Востока и Запада, представленную в фольклоре, религии, искусстве,

праве, политике, идеологии, науке, философии, а также события истории, действия исторических личностей, “норов” и “исторический дух” каждой эпохи. Не остались без его внимания и теоретические системы XX века. В.А. Роменец в рамках культурно-исторического подхода создает теорию истории всемирной психологии, воспроизводит драматичный путь самопознания и самосозидания, по которому извечно движется человек, пытаясь постичь свою природу.

В свою систему историко-психологического знания В.А. Роменец вводит имена мыслителей и ученых разных стран и народов; важное место в ней занимают российские ученые. Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, М.Г. Ярошевский непосредственно присутствуют в оппонентном круге В.А. Роменца.

Теория Л.С. Выготского близка ему пониманию психики как культурно-исторического феномена и монистическим объяснением ее природы, но культурно-историческое он находит “не столько в инструментальной функции знака (в создании знака и состоит культурно-историческая деятельность человека), сколько в культурно-исторической функции последствия, чем делается завершающий акцент в формировании психических феноменов и раскрывается действительное богатство человеческих духовных сил” [27, с. 600]. В.А. Роменец предлагает свою версию *культурно-исторической психологии*. Создается она в ходе творческого диалога с М.Г. Ярошевским и С.Л. Рубинштейном [20].

Задача статьи – проследить темы диалога В.А. Роменца с М.Г. Ярошевским и С.Л. Рубинштейном, представить источники, логику движения и особенности его мышления, а также содержание идей, образующих его теорию истории всемирной психологии и теорию поступка.

М.Г. ЯРОШЕВСКИЙ И В.А. РОМЕНЕЦ: ТЕОРИЯ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

В.А. Роменец переосмысливает идеи М.Г. Ярошевского [15]. Он пишет о том, что история психологии не делится на “донаучный” и “научный” этапы, а охватывает весь культурно-исторический опыт человечества, научным в психологии следует считать любое (а не только детерминистическое) объяснение, оставившее след в истории познания человеком мира и себя. История психологии не сводится к становлению категорий психологического мышления, она имеет собственный предмет – историко-логическое движение человеческого самопознания; психология призвана исследовать предназначение психического в жизни человека и взаимоотношения человека с миром, ее центральная проблема – проблема человека. Ячейкой историко-психологического процесса и его составляющих – систем психологии – по мнению В.А. Роменца, является *категория поступка*. Идея поступка “имплицитно содержится во всемирной психологии, в ее историческом движении” [26, с. 4].

Главенствующей в творчестве В.А. Роменца является идея поступка как основания историко-психологического исследования. “Ярошевский не ставит вопрос о характере целостной совокупности определений психического, каким оно есть в себе. Психологические категории, установленные им, происходят на самом деле из структуры поступка и имеют в нем свою естественную и логическую ячейку”¹ [22, с. 414]. Категория образа, по мнению В.А. Роменца, должна уступить место понятию ситуации как первому определению поступка, категория мотива – понятию мотивации как второму, категория действия – понятию поступкового действия как третьему. Категории межличностных отношений и личности уточняют общественную природу и глубоко индивидуализированный характер поступка. “Ка-

тегориальный и принципный подходы являются атрибутами *ячейки*, которая не сводится к ним, а относительно них является синтетическим образованием. Это *живая* ячейка, полностью включающая в себя все стороны психического, так что вне ее ничего не остается. *Поступок как ячейка психологической системы представляет собой противоречивое единство с сохранением своеобразия всех сторон, определений психического*” [22, с. 415]. Это точка отсчета первой спирали мышления В.А. Роменца.

В рамках теории истории всемирной психологии В.А. Роменец преобразует идею поступка в принцип историко-психологического исследования, последний объединяет с принципом взаимной дополнительности материального и идеального в понимании человеческого естества и культурологическим подходом в толковании истории психологии и психологии человека. *Теория поступка* – сердцевина теории истории всемирной психологии.

Лозунг теории – обращение к человеку, оставленное древними греками на стене храма Аполлона в Дельфах: “Познай самого себя”. “История психологии может быть понята также как действительная интериоризация этого высказывания, включая и современную психологию” [23, с. 214]. Психология – воплощаемая в продуктах культуры практика человеческого самопознания. Точка отсчета – “в ритуалах, рисунках на скалах (петроглифы), построении жилищ, шитье одежды, татуировании, истязании собственного тела, в его жестоких испытаниях и т.д. С развитием экономики, с появлением новых, более развитых форм отражения действительности – достаточно сложной техники, специальных форм искусства, художественной литературы, права, политики, идеологии в целом начинают возникать и сугубо психологические знания” [23, с. 7–8]. Психология, таким образом, движется от мифологии через философию к науке – по логике формирования поступка.

В.А. Роменец предлагает периодизацию истории всемирной психологии. В ситуации поступка пребывает психология первобытного общества (ситуация значений), древнего мира (ситуация конфликта), средних веков (ситуация коллизии) [23], в мотивации – психология эпохи Возрождения (мотивация как таковая) [24], барокко (борьба мотивов) [25], Просвещения (принятие решения) [26], в действии – психология XIX – начала XX в. (цель, средство, способ) [27], в последствии – психология XX в. (интериоризация, катарсис, преобразование) [28].

¹ Идея ячейки психологической системы – это идея “клеточки” психологии С.Л. Рубинштейна [13]. В.А. Роменец принимает ее, но вкладывает иное содержание. Работа Л.С. Выготского “Исторический смысл психологии” [1], где также ведутся поиски “клеточки”, написана раньше работы С.Л. Рубинштейна, но увидела свет позже.

В теории В.А. Роменца выделены уровни становления психологического знания: ситуационный, мотивационный, действенный, последственный (рефлексивный).

Первый уровень – мифологическая и философская психология (начало), второй – философская (продолжение), третий – научная психология; четвертый – сциентизм в психологии и его преодоление. “Наука не может своими методами исчерпать полностью все богатство природы человека, его души. Как свидетельствует история, большие проблемы человеческого существования, поведения, что выражается в поступках, глубже всего были постигнуты в философских инсайтах и даже в народном мировоззрении” [28, с. 40]. Психология XX в. возвращается к этим проблемам, но не сразу. “Все ведущие направления психологии XIX и XX вв. так или иначе пытаются толковать психическое как функцию приспособления к среде – природной и социальной – и отличаются друг от друга только тем, какое отношение они устанавливают между этими двумя сторонами жизни организма. Психологи этого периода будто потеряли предмет своей дисциплины в научных поисках; психологии надлежит вернуться к самой себе. Психика не является только инструментом приспособления к среде. Она является жизнью человека, переживанием, отношением к миру и имеет собственное богатство. Она самодостаточна, как лейбницевская монада” [28, с. 48].

Идея действия, разрабатываемая различными направлениями психологии последних столетий, по мнению В.А. Роменца, себя исчерпала. “Дальше идет *последствие*, и оно открывает перед исследователем новую сферу человеческого духа. Действие завершено, но поступок еще не завершается” [28, с. 51]. Открывается культурно-историческая миссия психологии: говорить человеку о сделанном, содеянном, упущенном. “История психологии... является своеобразным зеркалом, в котором отражаются события психологической истории человечества... Психология определяется историей и определяет саму историю” [28, с. 69, 896].

Теория истории всемирной психологии переходит в теорию исторической психологии; и та, и другая – проекции теории поступка В.А. Роменца, зарождающейся в его “Психологии творчества” [30] и разворачивающейся на страницах 7-томной “Истории психологии” – исследования, охватывающего все значимые воплощения человеческого духа, начиная от продуктов первобытной культуры и заканчивая теоретическими системами XX столетия.

О якобы гуманной эпохе Возрождения В.А. Роменец пишет, что человек в ней мнит себя титаном. Возникает любимый образ автора – Великий инквизитор, олицетворяющий потерю титаном своего величия в стремлении ликвидировать самодостаточность и самобытность других людей. Единственная возможность преобразования – это поступок самопожертвования. В.А. Роменец обращается к Библии, чтобы воссоздать исторический смысл человеческого бытия. Христос спасает людей от гибели, пожертвовав собой и тем самым воссоединив индивидуальное и всеобщее.

Далее мысль В.А. Роменца переносится на рубеж XIX–XX вв. Борьба материализма и идеализма, под знаком которой проходит эта эпоха – отражение различных способов бытия и основание разного понимания человека. В психологии доминирует сциентизм, популяризируется идея перехода материального в идеальное, обратного хода нет. Человек создает могущественные технологии и направляет их против природы, “не оставляет ничего нетронутого в самой Природе и гибнет вместе с ней” [27, с. 601]. Историческая психология последних столетий, по мнению Роменца, трагична.

В отличие от психологов-марксистов – своих современников, В.А. Роменец понимает общественно-историческую практику как историческое движение культуры, в продуктах которой воплощается логика человеческого самопознания и самосозидания. Он не приемлет психологию, сосредоточенную на материальном, показывает самоценность психического, призывает видеть человека через исполненные драматизма акты постижения смысла жизни и смерти, воплощения своей индивидуальности, единичности во всеобщем. В этом пафос поисков психолога-мыслителя.

XIX век охвачен гедонизмом действия. XX век видит изъяны гедонизма, но не может его преодолеть. В этом состоит движение не только исторической психологии, но и самого психологического знания. Надежды возлагаются на последствие, но “все щелки перекрыто в душе так, что нет возможности для осознания вины. Она не может проникнуть в человека и закрутить моральную спираль, а если эта спираль и закрутится, то покажет только безысходность моральных отношений и сведет их к отношениям базарным. Это показывают главные повороты истории XIX и XX ст.” [27, с. 603]. Повороты истории XXI ст., похоже, показывают то же самое. “XX столетие можно прямо назвать *жестоким*... В каком-то безумии (болезнь это или нет?) человечество из-

вечно направлялось путем *самоуничтожения* – в экономических бедах, войнах, голодоморах и т.д.” [28, с. 59–60]. Жертвенность – способ жизни, он отражается в идеологии как “определенной форме жизни, ее содержании, даже самой жизни”. Марксистская идеология создает “великую антиномию” частной и общественной собственности, но это проблема не только экономики, но и психологии. Человек стремится присвоить мир, не догадываясь, что его достоинство – в постижении всеобщего, субстанционального. Марксизм прерывает исторический путь человека к самому себе.

“Историческая психология порождает образ психологии и через последний себя осознает” [28, с. 60]. На почве теорий исторической психологии предстоит возвыситься “психологии преобразования”. Среди них теория поступка преодолевает свою “пессимистическую” фазу и направляется к “оптимистической”. В.А. Роменец говорит о *новой проекции теории поступка – канонической психологии*. Это завершающая спираль мышления, далеко уходящая за пределы того диалога, с которого начинается первая.

С.Л. РУБИНШТЕЙН И В.А. РОМЕНЕЦ: ТЕОРИЯ ПОСТУПКА

«С.Л. Рубинштейн был одним из первых, кто развивал в XX ст. аналогичные идеи на ниве психологии и пришел, в итоге, к идее “человек-внутри-бытия” и действия-поступка как центральной, логической ячейке психологической системы» [27, с. 530]. В.А. Роменец видит себя последователем С.Л. Рубинштейна и в этом ключе интерпретирует его творчество². Именно в диалоге с С.Л. Рубинштейном рождается идея поступка как основания истории психологии, предмета и системы психологии как психологии человека. Здесь же находится источник теории поступка.

Поступок – универсальное, сложноорганизованное действие, в состав которого входят ситуация, мотивация, действие, последствие. Ситуация показывает зависимость поступка от отражения человеком обстоятельств своей жизни и окружающего мира. Мотивация – способность человека превращать поступком независимую

ситуацию в зависимую через идеализацию, выбирать способ действия через борьбу мотивов. Последний реализует сущностные силы человека, соотносит цели и средства, порождает результат. Последствие – это рефлексия над результатами действия и начало нового поступка, который, таким образом, длится перманентно. Динамика составляющих поступка высвечивает и историческое, и онтогенетическое становление психологии человека. Все в психике сосредоточивается в поступке. Не понятие о действии, а понятие о поступке должно быть “клеточкой” психологии. Это исходные координаты мышления В.А. Роменца.

С.Л. Рубинштейн, создавая систему психологии, провозглашает принцип единства сознания и деятельности [13]. Расширение рамок системы показывает ограниченность этого принципа. “Все проблемы теории и истории сосредоточиваются в едином – поступковом – принципе. С его помощью решается центральная проблема психологии – *проблема человека*” [28, с. 898]. Необходимо преодолеть обособление психического от телесного, выйти на “настоящий психологический детерминизм”, укрепить связи психологии с гносеологией и с этикой. Только через отношение человека к человеку, взятое как отношение к миру, можно понять “настоящую сущность” человека, выстроить “гуманистическую систему психологических знаний”. В.А. Роменец говорит о направлении, в котором, дополняя С.Л. Рубинштейна, движется сам. “...Благодаря исследованиям С.Л. Рубинштейна в психологии предстала единая, обобщающая *проблема – человеческого поступка как логической ячейки*, которая открывает возможность благодаря своеобразному чудодейственному акту увидеть также связь психологической системы как таковой и самой истории психологии, – реализация знаменитого принципа единства логического и исторического, к которому так уверенно подходил в своих выдающихся трудах сам Рубинштейн” [28, с. 900].

В “Человеке и мире” [14] “принципиально правильными”, по мнению В.А. Роменца, являются идеи о непосредственном присутствии психического в мире; о мире как совокупности людей, вещей и явлений, соотносенных с людьми. “Все следует понимать через способ существования человека, т.е. через человеческий срез как зеркало Вселенной” [28, с. 146]. Только так можно онтологизировать психическое, увидеть его реальным феноменом бытия. Но эти идеи требуют логического завершения. Восприятие – не образ вещи, а сама вещь в том виде, в котором она дается человеку; сознание – мир в нем представленный; пере-

² Творческий диалог в психологии – интерпретация идей предшественника, подчиненная логике инициатора диалога [9]. Иначе трудно понять, почему В.А. Роменец не принимает во внимание то, что идея действия-поступка принадлежит первому периоду творчества С.Л. Рубинштейна и не становится в один ряд с идеей “внутри-бытия”, которой ознаменован последний период.

ход от среза к срезу – переход гносеологического в онтологическое и наоборот. Это начало спирали мышления, ведущей к теории поступка.

Понятие среза – идея психического, включенного в бытие человека как совокупного субъекта познания и творения действительности, идея видения мира “изнутри”. Своеобразие психического – не в отражении, а в “опредмечивании” мира, непрерывном приближении субъективного к объективному. Сознание – способ существования в мире. Человек – срез мира. Так конечное выражает бесконечное. Об этом – рубинштейновская формула “человек-внутри-бытия”, но “можно сказать точнее: и человек, и бытие имеют в себе и конечное, и бесконечное” [28, с. 149]. Это идея украинского философа Г.С. Сковороды (1722–1794): “Господь видит человека теми же глазами, которыми человек видит Господа”, – В.А. Роменец ее часто повторяет.

“Психическое предстает образом бытия, его срезом, что делает возможным самопознание мира через живое существо” [27, с. 595]. То есть мир в лице человека познает себя. “В целом вся психика является своеобразным *способом самоотражения мира*” [28, с. 147]. Познание и самопознание – стороны одного процесса, объединенного поисками человеком своего места в мире. Образное мышление В.А. Роменца порождает схему: мир – “шар бесконечного бытия”, человек – “личностный разрез” шара, отношения между людьми – линии пересечения разрезов. Человек стремится выйти за пределы своего разреза, превратить разрез в шар бесконечного бытия. Ради этого совершает поступок. Это стремление слиться с бесконечным содержанием Вселенной и воплотить в ней свою индивидуальность. В.А. Роменец таким образом обогащает идеей поступка рубинштейновскую логику очеловечивания мира.

Мир – всеобщее, живое и неживое, неосвоенное, к которому, преступая границы, направляется сознание. «Это можно рассматривать как духовное становление самого человека, как самораскрытие “большого мира”, как всеобщий поступок, относительно которого и человек, и сам “большой мир” оказываются... зависимыми феноменами» [28, с. 728]. В *ситуации* происходит движение от феномена к ноумену; *мотивация*, продолжая ситуацию, формирует цель действия; *действие*, осуществляясь, переходит в *последствие* и создает новую ситуацию. Это “поступковая спираль” и “событие в человеческой психике”. Люди “вышли из материального мира в личностный, почувствовали необходимость

объединения на основе единого мира, в котором они оказались” [28, с. 734]. Психологии надлежит рассказать “о великом монизме Вселенной”; представить человека как личность, которая “сама себя открывает”; задать ему мировоззренческие ориентиры “действительного преобразования”, которые в уникальном единстве объективного и субъективного, внутреннего и внешнего, человека и мира. «Это открытый мир, одно небо и одна земля, настоящий монизм как результат слития, наложения, единения множества “микромиров”» [28, с. 735]. Мировоззренческий монизм С.Л. Рубинштейна обретает форму концепции единого, опосредствованного поступком человека мира. Это новая спираль мышления и новая проекция теории поступка – теория психологии человека как феномена способа человеческого бытия.

Человек – зеркало субстанции, которая и материя, и дух, которые сосредоточиваются в “поступковом архетипе”. Это не архетип К.Г. Юнга, а глубинные основания единения человека и субстанции, через которого последняя видит самое себя. Рождается ситуационная конфликтность, мотивационное стремление, действие, последствие. Субстанция “знает себя” как “*Qual³, мучение*, стремящееся прояснения, чтобы избавиться от неясности” [28, с. 722]. Архетип преобразуется в тип, “иначе субстанция не могла бы себя видеть”. Бессознательное переходит в сознание, видимый мир становится символическим выражением субстанции, ее срезом, самораскрытием, самопознанием. Это попытка очищения от страдания, но цель не достигается: катарсиса не происходит. *Qual* трансформируется в творчество, где субстанция самоосуществляется.

В архетипе ситуации *Qual* раскрывается в значениях, в архетипе мотивации – как образ-цель. Возникает архетип действия, но *Qual* не находит себя, рождает новые формы – так появляется архетип последствия. “Вначале здесь выступает *самосозерцание* материи, она *знает себя такой, что себя созерцает*. Это есть отчуждение (в действии) и освоение (в созерцании). Это здесь предстают одни и те же глаза, которыми Бог смотрит на мир, а мир на Бога” [28, с. 725]. Отчетливо звучит мысль Г.С. Сковороды. Изменяются позиции видения, мир выступает новыми формами, но *Qual* не дает покоя, требует экстаза, слияния с “основой бытия”, эманации, высвобождения энергии. Конечное репрезентирует бесконечное, единичное – всеобщее, феномен – ноумен. “Точка, в которой все это соединяется, является чело-

³ *Qual* – в переводе с нем. – “страдание” (Прим. ред).

век. Он выступает *живым храмом Бога живого*. Пересечение феномена и ноумена – это и есть человеческая природа” [28, с. 725–726]. Поступок – воплощение этой природы.

В.А. Роменец вводит понятие поступкового архетипа не только для того, чтобы показать, что субстанция самовыражается через человека. Имеются более глубокие основания: ученый пребывает в неустанных поисках источников детерминации поступка. В “Истории психологии XIX – начала XX века” [27] утверждается идея самодетерминации поступка, а его источник видится в жизненной силе – Эросе. В “Истории психологии XX века” [28] – та же идея, но источником выступает уже *Qual*. Тогда что же движет человеком: любовь или страдание? Дальше, на страницах все той же “Истории психологии XX века”, появляется уже пара понятий: либидо и Танатос. Это не понятия З. Фрейда, а те же любовь и мучение, взятые как противоположные силы единого в своей основе человеческого бытия. Решение, казалось бы, найдено. Но это не так.

На последних страницах книги звучит заявление: “Все детерминировано, и любая наука выходит из этого положения, если только хочет быть наукой и устанавливать определенные зависимости в пределах психических феноменов” [28, с. 856]⁴. Теперь В.А. Роменец говорит почти то же самое, что и С.Л. Рубинштейн. Почти, но не то же самое. Слова “все детерминировано” означают: детерминация психического осуществляется в ходе поступкового взаимодействия человека с миром. В этом отношении психология становится в ряд других наук, исследующих взаимосвязи событий в мире. Но ее объект уникален – человек, осуществляющий свое бытие в мире, отвечающий на его вызовы наполненными глубоким психологическим содержанием поступками. Это реальный человек, стремящийся, вопреки трагизму жизни, к светлостному, каноническому. Он историчен, но жив: в его архетипе – и либидо, и Танатос.

Либидо – стремление познать феномен, Танатос – ноумен. Человек постигает свое бытие через небытие, потому прибегает к разрушениям и убийствам. Взаимодействие либидо и Танатоса рождает переживание бытия, выливается в “круги морали”, а последние – в эстетическое и познавательное отношение к миру. Начинается

экстатическое движение по “ступенькам бытия”. Смерть – момент жизни, которая трансцендентна, длится вопреки смерти и в посюстороннем (в потустороннем нет места поступкам). Факт смерти обостряет вопрос о смысле жизни, а значит – и смысле смерти. В поисках смысла человек вторгается в область отношения индивидуального, уникального со всеобщим, универсальным и осуществляет акты творчества.

Моральное творчество только драматизирует это отношение: люди не понимают (“народ должен быть единым”) и казнят утверждающего мораль героя. Эстетическое творчество обращается к героическому, но всеобщего не находит: герой, как правило, гибнет. Научное творчество также постигает неудача: типизация обобщает уникальное, но ничего не говорит о нем самом. Ситуация, как и прежде, остается неопределенной: всеобщее предстает проекциями, индивидуальное исчезает, смысл жизни не обретается. Почему? Потому что это движение в ддящемся, тогда как поступковый архетип вызывает к преходящему. “*Есть и проходит*. Таким образом предстает философия преходящего” [28, с. 761]. Философия преходящего – еще одна проекция теории поступка и спираль мышления, начало которой положено в книге “Жизнь и смерть в научном и религиозном истолковании” [12], а продолжение – уже в другом месте “Истории психологии XX столетия”. Это уже другая тема, источники которой лежат не в диалоге с предшественниками, а в самой логике движения роменцовской мысли.

Еще одна, завершающая построения В.А. Роменца и потому особенно важная, тема – *идея канонической психологии. Философия преходящего переходит в психологию будущего. Ученый подводит итоги и начинает проект, для осуществления которого нужна еще одна творческая жизнь*.

ИДЕЯ КАНОНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.А. Роменец критичен к психологии XX века: сталкиваются сциентизм и гуманизм. Первый апеллирует к закономерному, пренебрегая “духовным смыслом человеческого существования, имманентным, самодостаточным характером человеческой психики” [27, с. 597]. Второй – к уникальному, но заводит в “глухой угол субъективизма”, не показывает, что за уникальным кроется универсальное, что индивидуальность – “единственный инструмент постижения всеобщности бытия”. Преодолеть эту “психологию Мюнхгаузена, который сам себя поднимает за

⁴ Материалы книги систематизирует ученица В.А. Роменца, он не успевает... Трудно сказать, какое слово здесь последнее. Ясно одно: ученый решает основную проблему психологии, категориальную рамку которой образует отношение “внешнее–внутреннее” [8]. Может ли здесь какое-то слово быть последним? Наверное, нет. Психологическое познание тогда остановило бы свой путь.

волосы” [28, с. 826], призвана *каноническая психология* – психология синтеза индивидуального и всеобщего.

По мнению В.А. Роменца, психология – это наука о человеке, каким ему надлежит быть. Она призвана вывести его из тупиков, в которые завела “слепая” логика поступка, на осмысленную дорогу творческого освоения мира и себя. Для этого она должна быть преобразована на уровне теоретической системы, с опорой на канон, который она содержит в своем движении. “То, что выступает в щелях (а также в связях) между разрушением и построением психологической системы, между *систолой* и *диастолой* психологического знания, и является определенным *каноном* – двигательной силой этого знания, архитектором системы и ее разрушителем” [28, с. 827]. Канон входит в логическую ячейку знания, поднимает ее на уровень системы. Система же выходит за свои пределы и обретает новое качество. В.А. Роменец описывает собственный путь. “*Поступок является каноном психологического знания*, ведь в самом поступке, в самой поступковой ячейке пребывает канон” [28, с. 827]. Точнее, это путь теории, органом которой становится ее автор.

Систем психологии много, “вместе они выполняют великую симфонию, посвященную осмыслению человеческого бытия” и каждая считается “единственно правильной”. Ее автор идет “путем неистового отбрасывания сопредельных направлений знания, чтобы показать собственное”. Психолог непосредственно присутствует в процессе психологического познания, но есть и логика этого процесса. “...Историческое движение психологической мысли осуществляется через автономизацию теоретических позиций, их противопоставление для четкого самоопределения, а дальше – через их канонизацию. Каждая психологическая теория или направление должны пройти эти стадии, которые уже высвечивают *большой канон*. И именно каноническая психология должна вмещать в своей безграничной и вместе с тем четкой форме все богатство творческих поисков в психологической теории в целом” [28, с. 830]. Это эскиз принципиально нового понимания психологии и того направления, в котором ей предстоит развиваться.

Дальше В.А. Роменец приводит постулаты направления. “Неканонические психологии” отказывают человеку в полноте существования, а именно это является “*альфой и омегой канонической психологии*” [28, с. 840]. Человек – пристрастное, стремящееся овладеть предметным миром существо; мир открывает человеку свои качества,

изменяя “позиции” психического. Человек воплощает себя в оригинальном продукте, единичное воссоединяется со всеобщим как субстанциональным. “*Субстанциональная атрибуция (всеобщее)* как высший уровень канона является самым глубоким в человеке. И только через оригинальное можно этого достичь” [28, с. 843]. Человек “переступает” созданный им образ, чтобы почувствовать в конечном бесконечное и переступает бесконечное, чтобы в конечном, чувственном найти “высшее воодушевление”.

Движение канона происходит в самом человеческом бытии, единицей которого является поступок. Канон “светится” в ситуации, при этом “разворачивает ее полностью”. Таким образом ситуация переходит в мотивацию, которая идеально репрезентирует реальное, побуждает к поступковому постижению ситуации посредством действия, продолжающегося в последствии. Поступок каноничен по своей сути. Поступком психическое возносится к наивысшим уровням самовыражения.

Канон содержит в своей феноменальной выраженности любое психическое явление. “Это определяет специфику психологического исследования. В каноне как эталоне – исходная точка для суждения о многообразии психических проявлений человека” [29, с. 605]. Каноничной является психология, которая в каждом психическом феномене обнаруживает поступковое движение к канону. “Это требование не теоретической психологии, а требование жизни... *Канон* – не просто идеализированный образ психической жизни, это сама *диалектика наличного и ожидаемого*, того современного, где драматически пересекаются *прошлое и будущее*” [28, с. 844–845].

Что дальше? “...Канон никогда не может быть объяснен до конца. Это что-то аксиоматическое, но живое и подвижное в своем сущностном проявлении. Такой является человеческая индивидуальность, истинная сущность которой именно через канон и может быть выявлена” [28, с. 835]. Канон аксиоматичен, психологическое познание – бесконечно, его путь и логичен, и психологичен, обозначен индивидуальными вкладами непреходящего свойства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Истоки творчества В.А. Роменца кроются в диалогах, которые он ведет с М.Г. Ярошевским и С.Л. Рубинштейном. В этом оппонентом круге рождается идея поступка. Она преобразуется в принцип историко-психологического исследо-

вания, последний объединяется с принципом взаимной дополнительности материального и идеального в понимании человеческого естества и культурологическим подходом в толковании истории психологии, психологии как науки и психологии человека. Исследуются все формы человеческого самопознания, охватывается весь исторический путь человечества, создается и воплощается теория поступка, ее составляющей является теория истории всемирной психологии. Это уникальный случай, когда историк психологии не только исследует, но и обогащает психологическое познание теорией, логически завершающей предмет его исследования.

Поступок – единица культурно-исторического движения человечества; ячейка человеческого самопознания и самосозидания, отражающая психологию человека на каждом этапе его исторического, а также онтогенетического становления; способ человеческого бытия и акт, посредством которого индивидуальное возвышается ко всеобщему; динамическая организация, преобразующая психику человека и его самого; источник бытия человека в мире и обретения в нем своего предназначения; историческая и онтогенетическая, психологическая и этическая составляющие человеческой жизни; предмет истории психологии и самой психологии; вектор, направляющий психологию человека и процесс ее познания. Поступок – и предмет, и универсальный инструмент познания психологии человека.

Человек – конечное, содержащее в себе бесконечное; индивидуальное, обретающее себя во всеобщем; уникальное, выражаемое через оригинальное; живое существо, переживающее трагизм жизни, ищущее смысл жизни и смерти, стремящееся достичь полноты существования и осуществляющее с этой целью вдохновенное, экстатическое движение к совершенному, каноническому. Теория поступка открывает человеку исторический путь, которым он движется; раскрывает его сущность и предназначение в этом мире; ориентирует на нетленное, предостерегает от ошибок, призывает быть достойным высокого призвания; является гимном жизни, природе, человеку, вечности, симфонией человеческого бытия. Имя ее автора достойно занять надлежащее ему место в истории психологии, которую он вдохновенно и самозабвенно изучает.

История психологии и логична, и психологична. Ситуация, мотивация, действие, последствие поступка, которые рассматривает теория В.А. Роменца, – это и его собственные ситуация, мотивация, действие, последствие. Теория

создается в ходе идеального преобразования ситуации, в которой пребывает психология, формирования новой мотивации автора, перешедшей в действие – преобразование ситуации, а затем и в последствие. Идея канонической психологии, несомненно, феномен последствия. Теория аккумулирует в себе историю всемирной психологии, высвечивает психологию человека и психологию, обращенную к человеку, открывает перед той и другой новые горизонты. Это орган автора, через который он говорит с людьми, доносит свои мысли и чувства, выражает отношение к ним и миру... Теория поступка В.А. Роменца – поступок по сути. Индивидуальное, таким образом, через уникальное экстатически восходит ко всеобщему.

В психологии на смену классическому приходит неклассическое, а затем – постнеклассическое мышление. Мышление В.А. Роменца – постнеклассическое. Это мышление живого, одухотворенного человека, обращенное к такому же человеку и через него как через себя выражающее всеобщее. Жизнь и творчество ученого вдохновенны и величественны, это канон неутомимых поисков человеком самого себя и своего места в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследование // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436.*
2. *Ждан А.Н.* История психологии: От античности до наших дней: Учебник. 8-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008.
3. *Ждан А.Н.* Принцип анализа по единицам в историко-психологическом исследовании: концепция В.А. Роменца // V съезд Общероссийской общественной организации “Российское психологическое общество”. Мат-лы участников съезда. М.: Рос. психол. об-во, 2012. Т. 1. С. 17–18.
4. *Кольцова В.А., Медведев А.М.* Об изучении истории психологии в системе культуры // *Психол. журн. 1992. Т. 13. № 5. С. 3–12.*
5. *Кроник А.А.* У истоков психологии (Историко-психологическая концепция В.А. Роменца. Учебники ученого) // *Психол. журн. 1986. Т. 7. № 4. С. 150–152.*
6. *Марцинковская Т.Д.* Поступок как залог научного бессмертия (памяти В.А. Роменца) // “*Ars vetus – Ars nova*”: В.А. Роменец / За ред. И.П. Манохи. К.: Гнозис, 2001. С. 15–24.
7. *Мясоед П.А.* Об учебнике по психологии украинских авторов // *Психол. журн. 1997. Т. 18. № 3. С. 178–180.*

8. *Мясоед П.А.* Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 3–17.
9. *Мясоед П.А.* С.Л. Рубинштейн и В.А. Роменец: деятельностный и культурологический подходы в психологии // Психология человека в современном мире. Материалы Всерос. научн. юбилейн. конф., посв. 120-летию со дня рождения Сергея Леонидовича Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.: В 6 т. / Отв. ред. А.Л. Журавлев и др. М.: Институт психологии РАН, 2009. Т. 2. С. 122–129.
10. *Мясоед П.А.* Творчество В.А. Роменца и российская психологическая мысль // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 106–115.
11. *Пискун В.М.* Пяти томник по истории всемирной психологии // Психол. журн. 1991. Т. 12. № 5. С. 144–145.
12. *Роменец В.А.* Жизнь и смерть в научном и религиозном истолковании. К.: Здоров'я, 1989.
13. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989.
14. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 106–115.
15. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М.: Мысль, 1966.
16. *Гусельцева М.* Культурно-історичний підхід В.А. Роменця: ідея культури та ідеї в культурі // Психологія і суспільство. 2011. № 2. С. 92–105.
17. *Ждан А.* Становлення і розвиток психологічних знань у форматі історії культури // Психологія і суспільство. 2011. № 2. С. 39–50.
18. *Кольцова В., Олейник Ю.* Внесок В.А. Роменця в історію психології: синтез почуттів і рацію // Психологія і суспільство. 2011. № 2. С. 57–63.
19. *Марюков О.* Марксистська філософія і теорія вчинку В.А. Роменця: в пошуках основи розвитку людини у світі // Психологія і суспільство. 2011. № 2. С. 51–56.
20. *М'ясоїд П.* Володимир Роменець: від психології творчості до творчості у психології // Психологія і суспільство. 2011. № 2. С. 64–91.
21. Психологія вчинку: Шляхами творчості В.А. Роменця: зб. ст.; упоряд. П.А. М'ясоїд; відп. ред. А.В. Фурман. К.: Либідь, 2012.
22. *Роменець В.А.* Історія психології: Навчальний посібник. К.: Вища школа, 1978.
23. *Роменець В.А.* Історія психології Стародавнього світу і середніх віків: Навчальний посібник. К.: Вища школа, 1983.
24. *Роменець В.А.* Історія психології епохи Відродження: Навчальний посібник. К.: Вища школа, 1988.
25. *Роменець В.А.* Історія психології XVII століття: Навчальний посібник. К.: Вища школа, 1990.
26. *Роменець В.А.* Історія психології епохи Просвітництва: Навчальний посібник. К.: Вища школа, 1993.
27. *Роменець В.А.* Історія психології XIX – початку XX століття: Навчальний посібник. К.: Вища школа, 1995.
28. *Роменець В.А., Маноха І.П.* Історія психології XX століття: Навчальний посібник. К.: Либідь, 1998.
29. *Роменець В.А.* Постановня канонічної психології // Основи психології: Підручник / За заг. ред. О.В. Киричука, В.А. Роменця. 6-е вид. К.: Либідь, 2006. С. 605–621.
30. *Роменець В.А.* Психологія творчості: Навчальний посібник. К.: Вища школа, 1971.
31. *Соколова О.* До визначення поняття “вчинок” і до розв'язання проблеми “внутрішнє – зовнішнє” у роботах В.А. Роменця та О.М. Леонтьєва // Психологія і суспільство. 2011. № 2. С. 130–142.

OEUVRE OF V.A. ROMENETZ IN HISTORIC-PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE

P. A. Myasoed

PhD, associate professor, psychologist of comprehensive boarding school, Poltava, Ukraine

The topics of constructive dialog between Ukrainian historian and theorist of psychology V.A. Roменetz and S.L. Rubinstein and M.G. Yaroshevsky are analyzed. Sources, content and logic of scientist's thinking, propositions of his theory of history of world psychology and theory of deeds are examined; the place of his creative work in historic-psychological knowledge is characterized.

Key words: history of psychology, cultural-and-historic approach, theory of history of world psychology, theory of deed, canonical psychology, V.A. Roменetz, S.L. Rubinstein, M.G. Yaroshevsky.